

2018к

38

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Тверской государственный университет»
Филологический факультет
Кафедра истории и теории литературы

Безвременье как сюжет

Тверь
2017

УДК 821.161.6.09(082)
ББК Ш5(2+411.2)-34
Б 39

Б 39 Безвременье как сюжет: Статьи и материалы

/ Ред. — сост. С.А. Васильева, А.Ю. Сорочан. —
Тверь: Издательство М. Батасовой, 2017. — 340 с.
(Время как сюжет; Вып. 6).

В издание включены статьи и сообщения, посвященные анализу сюжетного потенциала времени в литературе и искусстве. В центре внимания участников проекта — различные модели «безвременья», художественные формы воплощения «нелинейного времени».

ISBN 978-5-9909267-5-2

395862

© Авторы статей, 2017
© Издательство М. Ю. Батасовой, 2017

А.Ю. СОРОЧАН

**ПРЕОДОЛЕНИЕ ВРЕМЕНИ: «КЛАССИЧЕСКИЕ» И
«МОДЕРНИСТСКИЕ» КОНЦЕПЦИИ**

В статье рассматриваются различные модели осмысления «безвременья», связанные с современной естественнонаучной и гуманитарной картиной мира.

Ключевые слова: время, репрезентация, теория относительности, К. Уилсон, А. Больцманн, А. Эйнштейн.

Исследование сюжетного потенциала временных категорий неминуемо приводит нас к проблеме относительности времени и вневременного существования.

Основная проблема, которой посвящен этот сборник, — исследование художественных стратегий одной из составляющих категории времени в литературе — сюжетного потенциала «безвременья». Это позволит нам не только изучить состав и структуру времени в его мельчайших составных элементах, но и определить возможности репрезентации «ускользающего времени». В предшествующих сборниках серии¹ рассматривались «вторичные проявления» (фиксации представлений об истории), формы «спасения достоверности», модели конструирования будущего и сегментации времени. Проблема репрезентации времени и сюжетного потенциала временных категорий остается наиболее важной для организаторов проекта. Категория «безвременье» оказывается в данном случае связана с представлениями о «мгновении» и «вечности», «прошлом» и «будущем». Выход за пределы линейных и циклических моделей позволяет рассмотреть значимые аспекты «новых» временных категорий: альтернативная реальность, время стазиса, нелинейное время, относительное время и т.д. В философских работах Стивена Хокинга, Колина Уилсона, Джона Гранта эти представления развернуты; им уделяют

¹ Прошлое как сюжет. Тверь: ТвГУ, 2012; Настоящее как сюжет. Тверь: Издательство М. Батасовой, 2013; Будущее как сюжет. Тверь: Издательство М. Батасовой, 2014; Вечность как сюжет. Тверь: Издательство М. Батасовой, 2015; Мгновение как сюжет. Тверь: Издательство М. Батасовой, 2016.

**НЕЛИНЕЙНОЕ ВРЕМЯ В ТВОРЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ
А.М. РЕМИЗОВА 1940–1950-Х ГГ.**

В статье проанализированы корреляции философской теории Дж.У. Данна и художественной практики А.М. Ремизова, представленной в его «Дневнике мыслей» 1943–1957 гг. Анализ сно-форм Ремизова выявляет аспекты представленных в них особенностей нелинейного времени.

Ключевые слова: Алексей Ремизов, Джон Данн, нелинейное время, сно-форма, литература русской эмиграции.

Научные открытия¹, совершенные в XX в., позволили пересмотреть позитивистки-ограниченное деление времени на настоящее, прошлое и будущее. Однако параллельно работам ученых, а зачастую и предвосхищая их научные доказательства, развивалось постижение сложного соотношения времен в искусстве и, в частности, в литературе. Остановимся на частном случае знаменательной корреляции научно-философской и художественной парадигм постижения относительности времени. В 1927 г. была опубликована книга ирландского философа Джона Уильяма Данна «Эксперимент со временем». Ее автор — по первой специальности — авиационный инженер, по определению историков науки, «занимает более чем маргинальное положение в истории философии XX века»². Несмотря на подобное жесткое определение, предложенная им философская теория вошла в ряд концепций, которые были восприняты не только мыслителями, но и писателями (Дж.Б. Шоу, Дж.Б. Пристли, Х.Л. Борхес и др.). Рассматривая вопрос о человеческом восприятии времени, Данн выдвинул предположение о «серийном мышлении». В. Руднев так кратко изложил суть его концепции: «Есть два наблюдателя, говорит Данн. Наблюдатель 2 следит за

¹ Статья написана при финансовой поддержке РФФИ (РГНФ, грант № 16-04-00179а «А.М. Ремизов. Дневники 1943–1957 гг. Т. IV.»).

² Руднев В. Джон Уильям Данн в культуре XX века // Данн Дж.У. Эксперимент со временем. М., 2000. С. 5.

наблюдателем 1, находящимся в обычном четырехмерном пространственно-временном континууме. Но сам этот наблюдатель 2 тоже движется во времени, причем его время не совпадает со временем наблюдателя 1. То есть у наблюдателя 2 прибавляется еще одно временное измерение, время 2. При этом время 1, за которым он наблюдает, становится пространственно подобным, то есть по нему можно передвигаться, как по пространству — в прошлое, в будущее и обратно, подобно тому, как в семиотическом времени текста <...> можно заглянуть в конец романа, а потом перечитать его еще раз. <...> Нарастание иерархии наблюдателей и, соответственно, временных изменений может продолжаться до бесконечности, пределом которой является Абсолютный Наблюдатель, движущийся в абсолютном времени, то есть Бог. <...> Разнопорядковые наблюдатели могут находиться внутри одного сознания, проявляясь в особых состояниях сознания, например, во сне. Так, во сне, наблюдая за самим собой, мы можем оказаться в собственном будущем, тогда-то мы и видим пророческие сновидения»¹. Последним в теории ирландского философа отведено особое место.

«Что если сны, — предположил Данн, — сны вообще, любые сны, сны каждого человека — состоят как из образов прошлых событий, так и из образов будущих событий, смешанных примерно в равных пропорциях? <...> Что если ассоциативная сеть действительно протянута не только в том или ином направлении в пространстве, но и взад и вперед во времени, и внимание сновидящего, естественно и беспрепятственно следуя наилегчайшим путем по разветвлениям сети, постоянно пересекает <...> на самом деле несуществующий экватор, который мы при пробуждении совершенно произвольно проводим поперек вселенной?»² В качестве доказательства своей теории Данн предлагал проведение эксперимента, заключающегося в ведении испытываемым ежедневных записей своих сновидений. Философ отмечал: «Способ воскресить в памяти забытые сны довольно прост. Положите под подушку блок-

¹ Там же. С. 6–7.

² Данн Дж.У. Эксперимент со временем. С. 65–66.

нот и карандаш и по пробуждении, еще даже не открывая глаз, сразу начинайте вспоминать быстро ускользающий сон. <...> Запишите кратко — в двух-трех словах — эпизоды в блокнот. <...> В период проведения эксперимента в конце каждого дня перечитывайте свои записи с самого начала»¹. По Данну, сновидения являются одной из форм свободного путешествия сознания во всех временах одновременно и особым видом прекогниции — экстрасенсорного восприятия сведений о будущих событиях.

Данн родился в 1875 г. А в 1877 г. на свет появился писатель Алексей Ремизов, который, совершенно независимо от ирландского философа сделал проведение разработанного тем «эксперимента» одной из фундаментальных составляющих своего бытия как человека и как писателя.

В настоящее время коллектив ученых ИРЛИ РАН и РГАЛИ осуществляет работу по подготовке к изданию четвертого тома уникального «Дневника мыслей» Ремизова 1943–1957 гг.² Этот дневник представляет собой произведение нового вида традиционного жанра документально-художественной прозы. Сначала ведение писателем ежедневных заметок было традиционным. В последовательно продолжающихся постраничных записях автор кратко пересказывал факты течения своего дня, которые дополнялись изложением содержания его сновидений. В дальнейшем Ремизов перешел к ведению дневника на основе использования возможностей имевшегося в его распоряжении бумажного материала — «общей тетради» в клетку. Начиная с этого времени, ежедневные записи располагались на левой (оборотной) и правой сторонах разворота тетради. На левой (оборотной) стороне тетрадного разворота писатель делал краткие записи о дневных событиях. На правой стороне тетрадного разворота следовали ремизовские пересказы снов, помеченные двойной датой, обозначающей ночь с такого на такое-то число, например, «5–6. VI.», «28–29. X.» и т.д.

¹ Там же. С. 76–77.

² См.: Ремизов А.М. Дневник мыслей: 1943–1957 гг. СПб., 2013. Т. I: Май 1943–январь 1946. 374 с.; Ремизов А.М. Дневник мыслей: 1943–1957 гг. СПб., 2015. Т. II: Январь 1946–март 1947. 380 с.

Аспекты анализа ремизовского «Дневника мыслей» изначально потенциально многогранны. Это — текст особой художественной формы, расположенный на грани между художественной и документальной прозой. Остановимся на рассмотрении ремизовских сно-форм как примеров, пользуясь терминологией Данна, «ассоциативной цепи, протянувшейся из «прошлого» в «будущее»».¹

Кратко обозначим параметры «трудов и дней» Алексея Ремизова на рубеже 1940-х–1950-х гг., что необходимо для понимания дневного контекста его регулярно фиксируемых ночных сновидений. В это время бедствующий в послевоенном Париже писатель был занят созданием текста «На вечерней заре» — переработанной переписки с женой — Серафимой Павловной за всю их жизнь, начиная с 1900-х гг. — времени их интенсивных контактов с литераторами Серебряного века. Он также работал над новыми книгами («Пляшущий демон», «Иверень», «В розовом блеске», циклом повестей «Легенды в веках»). В реальной жизни писатель во многом финансово зависел от четы Кодрянских — своих богатых американских друзей-меценатов. Формой ответной «благодарности» со стороны Ремизова была его помощь начинающей писательнице Наталье Кодрянской в редакции (а фактически — в переписывании) ее сказок. Тогда же литератор решал главный значимый для него вопрос — вероятность своего возвращения на Родину.

Известно, что Ремизов регулярно записывал свои сны с 1900-х гг. Последовательность их фиксации видна на следующем примере:

Запись 29–30. XII. <1948>²

Спал как убитый. С начала декабря, как взялся за «дублирование» моей жизни — переписку и редактирование моих писем С.П. с 1903 г., я очень мало спал. Я подымаюсь в 4 утра, а ложусь в 12 ч<асов> н<очи>. И вот вчера я так устал, как повалился, заснул и поднялся в 8

¹ Там же. С. 88.

² Здесь и далее «Дневник мыслей» цитируется по: РГАЛИ. Ф. 256. Оп. 6. Ед. хр. 35–37.

ч<асов>. Это называется: “спал как убитый”. Мне снилось, только никак не могу ухватить за какой-нибудь кончик».

Запись 15-16.I. <1949>

«Поднялся $\frac{1}{2}$ 11-го. Заспал сон. Вспоминается конец. Я совсем маленький. И мне говорит кто-то: “Простись с мамой!” И я целую в лоб и в губы, целую, не разбирая лица.

Сравним «методику» Ремизова с советом Данна сновидцу – участнику его эксперимента: «При пробуждении, еще даже не открывая глаз, начинайте вспоминать быстро ускользающий сон. <...> На первых порах удастся припомнить лишь какой-то один эпизод <...> Не пытайтесь вспомнить что-либо еще. Лучше сосредоточить внимание на этом эпизоде и постараться припомнить его подробно. Тогда перед вами возникает, подобно вспышке молнии, целый фрагмент сновидения, связанный с этим эпизодом»¹.

Анализ совокупности сно-форм, составляющих «ночную» часть «Дневника мыслей» позволяет сделать ряд предварительных выводов.

Постоянной спутницей и участницей сновидений Ремизова является его жена – Серафима Павловна (далее: С.П.), которая в реальности скончалась в 1943 г. В сно-формах местоимение «мы», маркирующее главного коллективного героя сна, в большинстве случаев означает: «я (т.е. Алексей Ремизов) и С.П.». Параллельно с этим супруга писателя выступает во снах и как персонифицированный персонаж разворачивающегося сюжета. Последний отделен от «я» Ремизова и наделен способностью автономного действия. Можно привести примеры начала ряда сноформ:

Запись 9-10.VII. <1948>

«Мы с С.П. вышли на широкую площадку нашей квартиры. И там собрались и наши хозяева, и их гости. И среди них Сувчинский. Всех мы пригласили к себе в нашу комнату».

Запись 25-26.VII. <1948>

«С С.П. путешествуем. В вагоне напротив меня двое: мужчина и женщина».

Запись 3-4.X. <1948>

«С.П. ушла, а я остался на платформе».

В послевоенные годы Ремизов, чья слепота неуклонно прогрессировала, мог очень редко выходить на улицу. В дальнейшем он фактически оказался запертым в пределах своей квартиры на улице Буало. Однако в снах это вынужденно ограниченное реальное пространство стало микромиром, вмещающим в себя макромир. В сно-формах писателя его квартира многократно трансформируется, то расширяясь до бесконечности, то алогично соединяясь и переходя в другие пространственные объекты. Она становится как бы воплощением универсума, заключенного в сознании писателя.

Запись 15-16. VI. <1949>

«Моя комната под небесами. Лестница широкая серая без окон. А в комнате на моем столе горит лампа, а вокруг сидят бороды. Они меня ждут: я понял: обыск. И один из них вспоминает: “Вы написали о”, – он называет из моих сказок. “Да, я помню”, – отозвался другой и называет не мое, но тоже сказочное. <...> И очутился я в большой комнате нарядной и светлой. <...> И я иду по песку. На моих глазах расчищают немецкие солдаты. Это после бомбардировки. И один говорит мне: “Теперь мы свободны”. И прощается со мной».

Запись 24-25.X. <1949>

«<...> В доме у нас — новая квартира — я поселил огромных обезьян — все жильцы жалуются. Но это где-то за Парижем. Вырвался в Париж и в театр. Заведующий находит Федора Назарыча, нашего зав<едующего> комбеда (1919-21 г.), но на самом деле это Леонид Лифарь».

Искривляющееся во снах пространство характеризуется соединением мест, находящихся в разных не только географических, но и хронологических координатах.

Запись 25-26. IX. <1948>

«Кого-кого не видал. И Суханова — у него чай пью с сахаром. И З.Н. Гиппиус — собрание Рел<игиозно>-фил<ософского> Общ<ества> – смотрю в сад, она в белом

¹ Данн Дж. Эксперимент со временем. С. 76.

с С.П., объясняет ей, как она неверно критикует, а надо — и я ей говорю как: “снимая кожу”. И собираюсь на собрание, и какое счастье, оказывается, в “пятницу”, а сегодня четверг. И Кодрянской, она пришла заявить, что будет приходить редко. И листья, котор>ыми был обложен виноград от Сувчинского».

Работа над перепиской писем к жене вызывала в ночной памяти Ремизова многочисленные образы его бывших друзей и знакомых по месту их первой встречи — Вологды начала 1900-х гг., где они оба были в ссылке, а затем по Москве и Петербургу Серебряного века. Однако в сновидениях писателя фигуры из прошлого соединялись с его парижскими знакомыми, воспоминания о бывших историях соседствовали с памятью о новых обязательствах.

Запись 1–2. IV. <1948>

«Евгения Юдиф<овна>, сестра Лид<ии> Ю<дифовны> Бердяевой, в блестящем серо-черном платье, вышла ко мне. В.Ил. Ленин раздает вспомоществование: мне 150 frs, он вынимает деньги из портфеля. А похож он на Соколенко. Тут и Пришвин».

Запись 23–24. X. <1949>

«М. Цветаева: она лежит — крупнее, чем была, напузыренная: лицо, грудь, живот, ноги. Очень сочувственно смотрит: “Я знала, что вы всегда писали обо мне, как надо, я не могла ответить”. И тут стоит тоненький в одной сорочке. Я узнаю, это Комаров. С ним я не говорю. Я присматриваюсь купить колбасы».

В ночных пространствах Ремизова временные однолинейные возможности контактов между людьми нарушены. Мертвые существуют рядом с живыми, взаимодействуют с ними, и, одновременно, четко понимают пограничный характер своего существования, наделены параллельным видением своего пребывания в инобытии и своей смерти в реальном мире. Например:

Запись сна 21–22. VIII. <1948>г.:

«Соломон Капун. Я был удивлен, ведь он помер. Да он тоньше... И он, улыбаясь: “Нет, я не Капун”. Я прохожу

дальше. Мы, я и С.П. и кто-то еще стоим в такой комнате, где можно открыть не окно, а всю стену. И по коридору проходят. В открытую стену мы видим: там музыка — праздник музыки».

Запись 2–3. X. <1948>

«Кладбище. Могила — вся в сиреневых цветах. Это могила моей жены. И тут же С.П. и Карташов. И какая-то маленькая девочка — Наташа. И З.Н. Гипп<иус>. Мне надо поспеть взять пасху. Завтра Пасха. И боюсь, не застаю. Поздно — все закроют. И я еду в вагоне, тревожась».

Запись 31–1. XI. <1949>

«Умерла Мар<ия> Оболенская. Но она ходит, только ни в чем не нуждается. Тут и Оболенский. Все мы проходим “сторонкой”. А ей это не по душе, сердится, но ничего не может поделать».

Проанализируем запись сна:

2–3. IV. <1948> г.

«К окну, но с проходом стола. У стола на столике телефон. Мы <т.е. Ремизов и С.П. — А.Г.> пришли к Кодрянской <...> Кодрянской лежит на диване навзничь. К дивану подойти можно только со стены. <...> Кодрянская позвала, и я вижу Варшав<ского>, он вышел из-за дивана. На плече у него полотенце. И к столу, и вынул какие-то тюбики — это не то крем, белая мазь. И прошел к Кодрянской за диван. <...> И я взглянул: Кодрянская лежит в платье, но ноги не покрыты. И думаю: “Как же это так Варшавский — неловко?” <...> Появляется Лев Шестов. Он весь закутан и, вообще, скорее Толстой. Я его сразу узнал, и он меня узнал. “Как же он со мной поздороваешься?” — подумал я: меня смутило его лицо, воспаленное и цвет кирпичный. А он взял меня за руку — и поцеловал мне руку до мокроты, так глубоко, влажно. “Вот говорят, что я помер”, — сказал Л. Шестов и помолчал, а я подумал: “Конечно, помер”. — “А мне, продолжал Шестов, — в О<?> надо пробраться”. И опять посмотрел на меня. “Как во сне,” — услышал я голос Кодрянской. И проснулся».

Как видим, в последнем сне развитие сюжета, происходящего на квартире Кодрянской и отражавшего известные Ремизову сплетни о «романе» Натальи Кодрянской с

писателем Владимиром Варшавским, соединено с описанием встречи Ремизовых на той же квартире (в присутствии указанных лиц) с Львом Шестовым. Рефлексия философа на факт своей смерти соединяется с реакцией Кодрянской, отметившей, что совершающееся не может происходить, и с завершающей ремаркой Ремизова: «И проснулся». Таким образом, в этой сно-форме представлена «цепочка» «наблюдателей», последовательно оценивающих видимые ими события сна. При этом сам Ремизов предстает в роли Абсолютного Наблюдателя, который является конечным звеном мотивной цепочки сновидения.

В сно-формах участники сюжетов претерпевают неоднократные перевоплощения, связанные с их пребыванием в разных временных плоскостях. Не избегает таких изменений и сам Ремизов.

Запись 7–8. III. <1949>

«Меня отделили от меня. Я себя вижу и наблюдаю. Большая комната «польская». Я весь в белом и вижу, пугаясь, все очень широко. И С.П. в голубом: она подошьет мне этот балахон. Я приготовился — стою — и вижу: я в Москве при входе, лестница, на мне черное с красным — форма Ал<ександровского> Ком<мерческого> учил<ища>, и с лестницы сходят, и это все бывшие ученики, на них та же форма — черное с красным и золотые пуговицы, но какие все изменивш<иеся> — «почернелые». И среди них Леонов, я его никогда не видел, но представлял — пружинка. И сходи с лестницы учительница, но одета по-парижски, и она узнала меня — но идет, не замечая. И я понимаю, что в Москве я без «правожителства»».

Запись 11–12.V. <1949>

«Мне говорят: «Как вы изменились за эти дни». А я все хожу по зеленым дорогам».

В сно-формах определяющим является соподчинение отдельных сюжетных мотивов сна единой мысли («идее») сновидца. Мотивы представляют собой развитие «цепочки» отражений определенной идеи, владеющей Ремизовым в данный период его времени. С определенными оговорками пользуясь терминологией Данна, можно сделать вывод о том, что в «Дневнике мыслей» именно писатель явля-

ется тем Абсолютным Наблюдателем, который вмещает в себя бесконечно расширяющиеся «зеркала», в образах которых предстает владеющая им идея. Применительно к концу 1940-х и 1950-м гг. можно говорить о комплексе ремизовских идей, существующих в сознании писателя в динамике смены их значимости. При этом важность идеи коррелирует с возможностью ее реализации в реальности или с ее переходом на другой ценностный уровень — трансцендентный. Примером такого категориального изменения может служить трансформирование ремизовской тоски по утраченной жене: от чувства утраты реально существовавшего любимого человека до превращения С.П. в образ-символ, воплощение идеи «вечной любви» и, одновременно, в «вечную спутницу» ночных странствий Ремизова — своеобразное соединение дантовских Вергилия и Беатриче. Точно так же модифицируется классификационная принадлежность идеи возвращения на Родину. В сно-формах конца 1940-х гг. идет нарастание мотивов России (сюжетов о Москве, Петербурге рубежа 19–начала 20 вв.) и СССР (последние сюжеты персонифицированы в образах «поезда» и в мотиве приезда старого слепого Ремизова в советскую Москву). Также в сно-формах отражены обстоятельства остракизма, которому подвергся писатель из-за взятия им советского паспорта. Однако с начала 50-х гг., в связи с принятым Ремизовым решением не возвращаться, идея Родины приобретает в снах трансцендентный характер, а образ России становится идеальным и над-временным.

Регулярно записывая содержание сновидений, Д. Данн проводил эксперимент на себе и на ряде своих добровольных помощников. Итогом было заключение: сны являются одной из форм прекогниции. Данн отмечал: «Если внимание сновидца странствует по ассоциативной сети, полностью игнорируя «настоящее», то неудивительно, что оно неожиданно наталкивается на какой-нибудь образ, отстоящий от нас на много лет «вперед». <...> В своем «обратном движении» внимание часто натывается на образы, отстоящие от нас на много лет «назад»».¹

¹ Данн Дж. У. Эксперимент со временем. С. 94.

Не зная об опытах Дж.У. Данна, Ремизов, идя путем, фактически параллельным направлению исследований ирландского философа, регулярно перечитывал тетради своего «Дневника мыслей» и на полях отмечал свершение событий, явленных ему в форме образов в давних снах. В качестве примера подобного «пророческого» сна остановимся на зафиксированном писателем сне о И.В. Сталине. Содержащееся в нем «пророчество» сбылось уже после кончины визионера.

Запись 26–27. I. 1954 г.

«Я не встречал Сталина, знаю по портретам и рисунку Пикассо. И как однажды по смерти Сталина вижу великана, полулежит. Я понял, умирает. И он со мной ласково простился. Из соседней комнаты волчком показалась фигурка — дочь Сталина, а за ней в ветхом истлевшем платье — жена Сталина: на ее лице ужас. И не от того, что умирает Сталин, а что дочь превратилась в волчок — кружится и не может остановиться».

В этой сно-форме знаменательно соединение умерших и живых героев: скончавшегося в 1953 г. Сталина, застрелившейся в 1932 г. Надежды Аллилуевой и их здравствующей дочери. В образе кружащейся без конца к ужасу матери Светланы Аллилуевой заключено предсказание о ее грядущей судьбе — ее отъезде в Индию, Швейцарию, США, Англию, возвращению в СССР, новому выезду за границу, жизни в Англии, и, наконец, смерти в США.

Подводя итоги, можно сделать вывод о том, что «Дневник мыслей» Ремизова является не только уникальным документально-художественным текстом и представляет интерес для читателей и ученых-гуманитариев. Он также значим и должен быть введен в реестр экспериментальных источников особого рода, которые не должны оставлять без внимания ученые, занимающиеся современными теориями пространственно-временного континуума.

The article analyzes the correlations of the philosophical theory of John Dunne and the artistic practice of A.M. Re-

mizov, represented in his "Diary of Thoughts" of 1943-1957. The analysis of Remizov's dream-forms reveals the aspects of the nonlinear time features presented in them.

Keywords: Alexei Remizov, John Dunne, non-linear time, a dream form, literature of Russian emigration.

Об авторе

ГРАЧЕВА Алла Михайловна - доктор филологических наук, заведующая Отделом новейшей русской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.